

© 2019 К.Г. ФРУМКИН

ПРОБЛЕМА «ТОТАЛЬНОЙ АНЕСТЕЗИИ» КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА



Фрумкин Константин Григорьевич — кандидат культурологии, шеф-редактор делового издания «Инвест-Форсайт».

Российская Федерация, 105318 Москва,
Семеновская пл., д. 7, оф. 317.
Электронная почта: kfrumkin@if24.ru

Аннотация. Систематическая борьба западного общества за купирование любых источников страдания приводит к ситуации, которая некоторыми философами называется «Тотальная анестезия». Символом этой ситуации является распространение анестезии в медицине. Технологии сегодня являются главным преемником религии в роли избавителя от страданий. До эпохи «Тотальной анестезии» страдания были важнейшим отрицательным ориентиром социального развития. Страдания — это очень сильный мотиватор и производит на людей более глубокое впечатление, чем его противоположность — удовольствие. Любая несправедливость была нестерпимой, поскольку являлась источником страданий. Сегодня встает вопрос о выработке новых ориентиров, не связанных со страданием. Это сложная проблема, поскольку умозрительные идеалы не обладают привлекательностью, если не связаны с травматическим опытом или эмпатией. В общественной жизни обезболивание может обладать таким же негативным значением, как и в медицине. Обезболить легче, чем вылечить, между тем проблема может не привлекать к себе достаточного внимания, если не является источником страданий. Мы можем указать несколько сценариев адаптации общества к тотальному обезболиванию. Среди этих сценариев — увеличение чувствительности к малым страданиям, перенесение страданий в виртуальную реальность, замена страданий умозрительными

можно было бы назвать «социальной анестезией» — системной деятельностью по всестороннему избавлению людей от испытываемых в разных ситуациях страданий, купированию их источников, уменьшению интенсивности негативных переживаний. Несмотря на ужасы политической истории XX века, эпоху модерна, и в особенности послевоенный период, можно осмыслить как историю локальных побед над частными видами страданий. Между тем до наступления эпохи обезболивающих веществ, начало которой примерно совпадает с эпохой быстрого промышленного роста, по выражению историка медицины Д.В. Михеля «боль была повсюду, ее было слишком много и к ней, в известном смысле, относились терпимо» [10, с. 172].

Но вот анестезия сделала менее мучительной работу стоматологов и хирургов, парацетамол позволил безболезненно переносить жар, возросшее производство продовольствия сделало голод более редким явлением, чем раньше. Для умирающих начали устраивать хосписы, отопление спасает от мук холода, кондиционеры — от жары, кинематограф — от скуки, работа на промышленных предприятиях (вопреки тому, о чем мечтал Эрнст Юнгер в эссе «Рабочий») перестала напоминать военное сражение. О том, что анестезия стала вопросом политики, может свидетельствовать факт, что Конгресс США объявил 2001–2010 годы десятилетием контроля над болью.

Устранение страданий идет столь успешно, что некоторые российские философы начали даже употреблять выражение «тотальная анестезия» — разумеется, применительно к западному обществу. О наступлении новой эпохи — «общества обезболенных» по выражению В.В. Савчука — объявили многие авторы: «Время великой боли подошло к концу» [13, с. 200], «Возникает перспектива тотальной ликвидации телесного страдания» [2, с. 314], «Торжество концепции “жизни без боли” уже не удивляет» [18, с. 63], «Мы создали общество анестезии, поскольку можем родиться, жить и умереть под наркозом» [14, с. 156–157].

Что означает уменьшение силы и частоты страданий для общества пока не понимает никто, но не будет преувеличением сказать, что мы видим если не подрыв, то трансформацию всех социальных механизмов, поскольку все виды власти — от государственной до родительской, от экономической до криминальной — строятся или еще недавно строились на возможности причинения страданий (и в гораздо меньшей степени — на возможности убийства). Власти издавна пытались, пороли, бросали в сырые темницы. Стремления к карьерному росту или миграции в значительной степени подпитывались и подпитываются желанием обрести более комфортную зону существования, где страдания встречаются реже (например, «вырваться из нищеты»), и этот же факт позволял работодателям мотивировать сотрудников, понимавших, что безработица — это «зона муче-

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

из «юдоли страданий» — из «ада»; она должна была рисовать картины «социального ада», представляя действительность, как место адских мук.

Если представить, что страдания ослабли, то социальная критика вынуждена выйти из сферы эмпатии и травматических воспоминаний в сферу чистых абстракций.

Когда в XIX веке Маркс выдвинул теорию эксплуатации, формально она базировалась на абстрактных экономических аргументах, но ее сила была именно в том, что эксплуатация полагалась источником страданий пролетариата. Однако последующие полтора столетия познакомили нас с ситуациями, когда эксплуатация была «демпфирована» социальной анестезией — сокращением рабочего дня, ростом зарплат, развитием медицины, когда страдания людей стали не так велики, несмотря на продолжение эксплуатации.

Более того, стали вполне мыслимы случаи, когда страдания пролетариата не прекращаются несмотря на отсутствие капиталистической эксплуатации — так, например, ортодоксальный марксист мог бы интерпретировать опыт СССР или иные коммунистические эксперименты.

Продолжает ли эксплуатация быть нетерпимой даже в случае, если она терпима с точки зрения жизненного комфорта и противоречит лишь абстрактным представлениям о справедливости? Можно ли бороться с несправедливостью, которая не порождает страха и отвращения на чувственном и эмоциональном уровне, а значит, не мотивирует бороться с собой столь успешно, как раньше?

В медицине чрезмерное обезболивание опасно: оно избавляет от симптомов заболевания, позволяя не обращать на болезнь внимания, и, временно находясь под защитой обезболивающих средств, человек может не заметить, как недуг подрывает его жизнь и здоровье. По аналогии нельзя исключать, что социальная анестезия оказывает обществу такую же дурную услугу, позволяя не обращать внимания на социальные язвы, — например, нарушение справедливости или искажение информации.

Существует проблема, которую можно было бы назвать «дилеммой анестезии»: можно устранить причину страдания, а можно только само страдание, и последнее чаще требует куда меньших затрат. В медицине проще обезболить, чем вылечить. В социальной жизни проще подкинуть беднякам пособия, чем установить более справедливый социальный строй.

Политика социальной анестезии часто базируется на принципе неприемлемости страданий, но при этом исходит из представления, что многие процессы, являющиеся источниками мучений, на самом деле чрезвычайно полезны и их надо продолжать, просто сопроводив обезболиванием. Лечение зубов необходимо

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

Житейская мудрость говорит, что страдания гораздо более сильный мотиватор и производит на людей более глубокое впечатление, чем его противоположность — удовольствие, радость и т.д. Сильные страдания порождают психологические травмы, но редко можно услышать, чтобы счастье оставляло в нашем сознании след, сопоставимый с травмой. Как сказал Эмиль Сиоран, боль «оставляет в памяти следы, в то время как удовольствие памяти едва касается» [16, с. 386]. Именно поэтому, по мнению некоторых авторов, древние обряды инициации включали элементы причинения страдания, чтобы мобилизовать человеческую память. Даже у наркоманов мотивом служит, скорее, боязнь ломки, чем желание эйфории. Именно поэтому страдания играют в человеческой жизни совершенно особую роль. И страх ада в христианстве является, несомненно, более важным мотивирующим фактором, чем надежда на рай.

Вполне достоверно предположение, что твердо придерживаться ценностей, установок, принципов человек будет, если источником этих принципов была травма. Только обжегшийся на огне или напуганный пожаром будет маниакально соблюдать правила пожарной безопасности.

Более того: само устранение боли есть следствие ее могущества. Как с предельной четкостью сформулировал Ю.В. Антонян: «Жизнь любого живого существа ориентирована на избегание страдания» [1, с. 22]. Именно потому, что страдание с непреодолимой силой мотивирует всех живых существ избавляться от него, люди со всей возможной изобретательностью изыскивают средства против страданий, в том числе медикаментозные. Парадокс в том, что только опыт страдания может побудить никогда его больше не испытывать. Не будет страданий — не будет мотивов от них избавляться.

Связь ценностей с травматическим опытом позволили В.В. Савчуку найти еще один критерий, по которому можно различать культуру и цивилизацию: «Цивилизация стерильна — культура кровожадна» [14, с. 156].

Принципы, устанавливающиеся в мире без страданий и травм, не будут прочными, и вполне вероятно, что мир без страданий — среда для ценностного релятивизма. Страдания перестают быть жизненным ориентиром, на их место приходят ориентиры, выбранные абстрактно.

Таким образом, сильнее, чем когда-либо в истории, встает вопрос о способности человека или общества соблюдать верность умозрительным, не закрепленным через боль и травму, установкам. Трансформация ценностей в условиях торжества социальной анестезии происходит в три этапа, или, по трем сценариям.

Первый сценарий можно было бы назвать «ростом чувствительности». Способность испытывать страдания — неотъемлемая черта человеческой природы. Неотъемлемость этой способ-

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

Наконец, существует третий сценарий, когда преследуемые цели не только умозрительны, но уже прямо не связаны со страданием. Эти ценности можно назвать «импассионабельными», от латинского «*impassionabilis*» — бесстрастный. Третий сценарий — переход к импассионабельным ценностям.

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

Три замещающих идеологии

Отказываясь от слишком биологизированных, архаичных, плохо настроенных для сложного современного мира ориентиров, таких, как страдание, человечество вынуждено переходить к импассионабельным идеалам и ценностям, не имеющим ясной и ощутимой связи с повседневным опытом.

Сегодня мы видим, пожалуй, три активно пропагандируемые группы умозрительных ценностей, призванных заменить простую идею социального развития как избавления от страданий.

Во-первых, это ценность счастья, то есть тот же самый идеал избавлений от страданий, но вывернутый наизнанку и демонстрирующий свой позитивный потенциал. Важно, что счастье в наше время часто понимается как результат статистической интеграции индивидуальных ощущений. Классическую формулировку этой идеологии дал Иеремия Бентам, заявивший, что целью законодательства является наибольшее счастье наибольшего числа людей. Любопытно, что по мнению К.А. Куксо, трактат Бентама был высшим выражением того утилитаристского умонастроения, доминирование которого сделало необходимым и возможным распространение химических обезболивающих средств [6, с. 88].

Однако после Бентама прошло более полутора веков, пока вопрос о счастье действительно поднялся на государственный уровень. Увеличение «валового счастья» стало официальной целью политики Бутана, уровень счастья стали активно изучать социологи и экономисты, правительства различных государств поручают замерять удовлетворенность жизнью своим статистическим ведомствам, вопросы счастья стали предметом докладов ООН и т.д.

Вторая «замещающая страдания» идеология, менее четко артикулированная в философии и политических документах, но имеющая огромное число сторонников и разнообразно выражаемая — идеология роста могущества человечества и его экспансии во все новые пространства и сферы деятельности. Эта идеология подпитывается давним культом прогресса, культом науки, верой в торжество передовых технологий, ожиданием сингулярности. Она находит свое выражение в научно-фантастических мечтаниях об освоении других планет и очень тесно, через биотехнологии, связана с третьей идеологией: концепцией увеличения продолжительности жизни вплоть до бессмертия.

Именно потому, что желание выжить может быть сильнее мотивации страданием, возникает возможность построения системы социальных ориентиров, независимых от страдания и от задачи избавления от страданий. Идеология, опирающаяся на инстинкт самосохранения (идеология выживания), может предельно далеко уйти от редукции ценностей к страданиям и породить ценности, которые будут играть роль в эпоху, когда страдание не будет ориентиром.

Однако инстинкт самосохранения далеко не всегда сильнее страха мучений. Мы можем видеть, как в коллективном сознании борются две почти равные по влиянию силы. С одной стороны, стремление избегать страдания. Его сила в том, что страдания могут легко поразить воображение, и мученик легко вызывает сочувствие. С другой стороны, выступает желание выжить — более абстрактное, но в случае необходимости способное активировать такой специфический род страдания как экзистенциальный ужас. Их столкновение мы видим всякий раз, когда приходится решать вопрос о возможности использования смерти как избавления от страданий: например, в случае эвтаназии, в выборе между смертной казнью и другими формами наказания, в вопросах о допустимости самоубийства, ценности долгой старости и т.д.

Самым острым примером столкновения двух этих сил является вопрос об эвтаназии, который можно сформулировать так: есть ли ценность у жизни, если страдание неустранимо? В начале XX века русский богослов Д.И. Введенский, посвятивший страданию особую публичную лекцию, сказал: «Не умеющий оправдать неизбежность страдания, не может оправдать и собственную жизнь» [3, с. 39]. К.А. Куксо говорит, что регулярная анестезия, превращенная в культурную норму, делает человека безоружным перед болью, не поддающейся химическому контролю, и если боль не удастся подавить, то ценность самой жизни становится проблематичной [6, с. 95]. Да и не одной только жизни: Ю.М. Антонян идет дальше, заявляя, что если бытие оказывается страданием, то само бытие теряет смысл и означает конец человечества [1, с. 22].

Тот факт, что западное общество склоняется к легализации эвтаназии, говорит о том, что боязнь страдания часто оказывается в социальной жизни более могущественной силой, чем боязнь смерти. В этом же можно убедиться на примере того, что человечество зачастую более толерантно к убийству, чем к причинению мук. Запрет пыток и телесных наказаний внедряется успешнее, чем запреты смертной казни, или тем более войны. Более того, сама казнь реформируется таким образом, чтобы, сохранив в ней момент убийства, предельно уменьшить момент мучительности. Мертвые не вызывают сострадания, мертвые не жалуются и не предъявляют счетов, без убийств государство пока не может обойтись, а без пыток вроде бы может.

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

чае критику «общества анестезии» можно истолковать как соперничество разных поколений в технологиях усвоения страдания. Говоря грубо, религия соперничает с анальгезией и климат-контролем за роль утешителя в горестях.

Однако отношение к страданиям может измениться даже внутри религии, и примером этого может служить книга современного французского православного богослова Жана-Клода Ларше «Бог не хочет страдания людей» [7], в которой говорится, что страдание не входило в изначальный замысел творения, а стало результатом грехопадения, что страдание — не наказание за грех, а следствие греха, что цель Христа — избавление человеческого рода от страданий, что сами по себе страдания не полезны, и хотя христиане при определенном духовном настрое могут извлекать из них духовную пользу, но страдания нельзя *искать* с этой целью. Заметим, книга Ларше отнюдь не антитрадиционалистская и не еретическая. Она апеллирует к святоотеческому наследию, и, наверное, тезисы Ларше не могут вызывать протеста ортодоксальных священнослужителей, однако, акценты, расставленные французским богословом, явно контрастируют с тем, что говорили о страдании христианские авторы в прошлые эпохи.

Примерно за 100 лет до Ларше Д.И. Введенский настаивал на неразрывности страдания и счастья и писал, что страдания со счастьем должны вместе входить в «общую экономию облагораживающих чувств» [3, с. 39]. Не стоит упоминать и о культе страданий Достоевского, и об экстатическом прославлении страданий в Средние века — св. Екатерина Сиенская писала, что благородные души находят счастье только в физической боли, поскольку последняя является мостом к Богу. Таким образом, книга Ларше знаменует качественные изменения в духовной атмосфере, и дело, видимо, не в том, что изменились религия и церковь, но в том, что изменилась окружающая среда: в прошедшие эпохи главной задачей христианства было обоснование неустрашимости страданий, а сейчас встает вопрос о том, стоит ли их искать специально. Изменилась исходная точка, с которой христианин подходит к вопросу о страдании.

Любопытно, что консервативную критику идеи «социальной анестезии» можно обнаружить уже в первой половине XX века, когда успехи борьбы со страданиями еще не были очевидны, но была очевидна установка на это. Поэтому Д.И. Введенский критикует «расслабленную волю искателей счастья», которые не знают «той таинственной лестницы, которая соединяет горе с внутренним миром, страдание и счастье» [3, с. 39]. Эрнст Юнгер иронически констатирует, что после Первой мировой войны расцвело «отрицание боли как необходимой составной части мира» [19, с. 482]. Сторонники и противники страданий встали лицом друг к другу: в эту эпоху пишется и «Социология страданий» Мюллер-Лиера, не столько исследовательский текст, сколько социально-философский

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

воренную потребность в сильных эмоциях и насыщенных переживаниях [14, с. 157], анестезия «лишает коллективное тело западного общества и тело отдельного человека полноты переживания» [14, с. 155–156], а «опыт боли остается последним форпостом подлинного» [8, с. 295].

Многие авторы последних лет всерьез встали перед проблемой, которую немецкий философ Петер Слотердайк обозначил как «альгодицею» — то есть оправдание боли и страданий, которое, по мысли Слотердайка, должно сменить проблему теодицеи — оправдания Бога [17, с. 675]. Правда, когда Слотердайк в начале 1980-х годов предлагал новый термин, он имел в виду прежде всего оправдание мировых войн и других ужасов первой половины XX века, то есть страдания, которые уже были перенесены человечеством и которые теперь могут быть осмыслены как оправданные жертвы. Между тем сегодня проблема альгодицеи выворачивается наизнанку и становится вопросом о возможности и необходимости сохранения страданий даже в условиях, когда их можно избежать.

Буквальная защита страданий, то есть буквально понятая альгодицея в наше время невозможна — она не будет никем принята. Что же возможно? В медицине имеет большое значение понятие «контроля»: если хроническое заболевание невозможно излечить, его следует контролировать. Контроль над страданиями, управление ими — вот те идеологические рамки, которые позволяют смириться с тем, что мы оставляем страдания в нашей жизни.

Управление страданиями

Идея «управления страданиями» заключается в том, что мы добровольно оставляем некие контролируемые анклавы боли и страданий, используя их в качестве полезного инструмента. Идея «управления страданиями» фактически включает в себя феномен насилия, а его значение для цивилизации невозможно преувеличить. При этом для существования социума имеет значение не только непосредственно действующее насилие, сколько порождаемая им возможность создавать риски и угрозы: угроза насилия гораздо эффективнее самого насилия и гораздо важнее для выстраивания социальных отношений. Насилие включает две главных разновидности: убийство либо причинение мук. Таким образом, важнейшая часть социальных отношений сводится к управлению страданиями, к возможности санкционированно причинять страдания, усиливать или ослаблять их, принимать или отказываться от них. Управляя насилием, общество «принимает страдание» в том смысле, что делает его коллективно одобренным. В рамках отношений с насилием возникает множество случаев добровольного принятия страдания, поскольку социально одобренное

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

своей семантике противоречива. Страдание есть то, что воспринимается негативно, а значит, как недолжное, как то, чего нужно избегать. Но с какой-то иной точки зрения мы придаем ему позитивный смысл и считаем, что его не надо избегать, а наоборот, нужно искать. Две эти противоположные точки зрения должны быть присвоены человеком как свои собственные и не противоречащие друг другу. Клайв Льюис говорит о важнейшем воспитательном значении страданий, но признается, что сам является трусом и хотел бы застраховаться от любых мук. Таким образом, добровольное принятие страдания резко усложняет самосознание. Человек, добровольно согласившись на муки едва ли не «автоматически», в качестве последствия начинает видеть себя как структурированное существо, обладающее разными уровнями: на нижнем мы воспринимаем страдание как негативное и недолжное, но над ним возвышается другой уровень, санкционирующий его принятие как необходимое, и принимающий точку зрения нижнего уровня только «к сведению».

Такой взгляд на себя «как минимум» обеспечивает разделение человеческой природы на душу и тело. Конечно, речь идет о разделении «уровней» и «ориентаций» и внутри души, внутри личности, так что один уровень, более близкий к животной природе, отрицает страдание, а другой, по каким-то более возвышенным соображениям, его принимает, и мы сталкиваемся с конфликтом между разными «этажами» одной и той же личности. Соответственно, «современное» отношение к страданию как безусловное отрицательное явление, ухудшающее качество жизни, упрощает человеческое самосознание. В нем исчезает конфликт, и все поведение и мировоззрение гармонизируется с нашей «животной природой» — страдание, отвергаемое нашим телом, отвергается также на уровне политики и морали.

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Страдание и его роль в культуре. М.: Норма; НИЦ Инфра-М, 2015.
2. *Бардыкова И.В.* Концепт страдания в русской философии культуры // Вестн. Тамбовского ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 5(49). С. 314–318.
3. *Введенский Д.И.* Страдания человечества. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902.
4. *Грицков Ю.В.* Образы страдания в страдающем сознании (феномен страдания и способы его осмысления в общественном сознании). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004.
5. *Кузин И.В.* Страдание и признание тела // Человек. 2013. № 5. С. 133–145.
6. *Куксо К.А.* Без боли: Очерк генезиса массовой анальгезии // Человек. 2013. № 6. С. 81–95.
7. *Ларше Ж.К.* Бог не хочет страдания людей. М.: Паломник, 2014.
8. *Лехциер В.Л.* Феноменология «пере»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Самарский университет, 2007.

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена

References

1. Antonyan Y.M. *Stradaniye i ego rol v culture* [Suffering and its role in culture]. M.: Norma: NITs Infra-M Publ., 2015.
2. Bardykova I.V. Kontsept stradaniya v russkoy filosofii kultury [Concept of suffering in the Russian philosophy of culture]. *Vestnik Tambovskogo univ. Seriya Gumanitarnyye nauki* Publ. 2007. Iss. 5(49). P. 314–318.
3. Vvedenskiy D.I. *Stradaniya chelovechestva* [Human Suffering]. Svyato-Troit-skaya Sergiyeva Lavra Publ., 1902.
4. Gritskov Y.V. *Obrazy stradaniya v stradayushchem soznanii (fenomen stradaniya i sposoby ego osmysleniya v obshchestvennom soznanii)* [The Images of suffering in consciousness (the phenomenon of suffering and its reflection in the public consciousness)]. Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. univ. Publ., 2004.
5. Kuzin I.V. *Stradaniye i priznaniye tela* [Suffering and body recognition]. *Chelovek*. 2013. N 5. P. 133–145.
6. Kukso K.A. Bez boli. Oчерk genezisa massovoy analgezii [Pain-free. Essay on the Genesis of mass analgesia]. *Chelovek*. 2013. N 6. P. 81–95.
7. Larshe Z.K. *Bog ne khochet stradaniya lyudey* [God doesn't want people to suffer]. M.: Palomnik Publ., 2014.
8. Lekhtsiyer V.L. *Fenomenologiya «pere»: vvedeniye v ekzistentsialnyu analitiku perekhodnosti* [The Phenomenology of the «feather»: an introduction to existential dimension to this transition]. Samara: Samarskiy universitet Publ., 2007.
9. Lyuis K. Stradaniye [Suffering]. *Eticheskaya mysl: Nauchno-publitsisticheskiye chteniya*. 1991. M.: Respublika Publ., 1992. P. 374–438.
10. Mikhel D.V. Izgnaniye boli: anestezii v kontekste istorii [Expulsion of pain in the context of history]. *Teoriya mody*. 2008. N 9. P. 167–192.
11. Myuller-Liyer F.K. *Sotsiologiya stradaniy* [the Sociology of suffering]. M.: URSS Publ., 2006.
12. Osho. *Ot meditsiny k medidattsii*. [From medicine to meditation]. Kiyev: Sofiya Publ., 2007.
13. Podoroga V. Epokha Corpus'a. Nansi Zh.-L. *Corpus* [Corpus epoch]. M.: Ad Marginem Publ., 1999. P. 171–216.
14. Savchuk V.V. *Mediafilosofiya: Pristup realnosti* [Media Philosophy. Reality attack]. St. Petersburg: Izdatelstvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii Publ., 2014.
15. Senkevich A.V. Problema stradaniya v istorii filosofii: osnovnyye paradigmy [The problem of suffering in the history of philosophy: the main paradigms]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univ.* 2009. N 3. P. 12–15.
16. Sioran. *Iskusheniye sushchestvovaniyem* [The temptation of existence]. M.: Respublika Publ.; Palimpsest Publ., 2003.
17. Sloterdajk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ.; M.: ACT MOSKVA Publ., 2009.
18. Khaydarova G.R. *Fenomen boli v kulture* [The Phenomenon of pain in the culture]. St. Petersburg: Izdatelstvo Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii Publ., 2013.
19. Junger E. *Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt; Totalnaya mobilizatsiya; O boli* [Worker. Domination and Gestalt; Total mobilization; About pain]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2000.
20. Lenz S. *Über den Schmerz. Essays*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 2000.

К.Г. Фрумкин
Проблема
«тотальной
анестезии»
как социального
феномена